

характерных для материальной культуры древних тюрков. И чем шире разворачиваются археологические работы в Забайкалье, тем больше доказательств получаем мы в пользу этого предположения.

Важно также, что благодаря исследованию дарасунских погребений мы имеем возможность датировать эти памятники более точным временем. Дату сооружения их определяет и тот круг предметов, который был рассмотрен нами выше (VI—VII вв. н. э.), и китайские бронзовые монеты, обнаруженные в погребении 3 (рис. 3, 24—27).

Монеты круглые, с квадратным отверстием в центре, входят в группу ушунянь («монета весом 5 шу»). Диаметр монет 22—23 мм, размер отверстий 7—8 мм. Металл беловатого цвета, изготовлены монеты в различных матрицах, качество отливки высокое. На аверсе, по обеим сторонам отверстия, располагаются два иероглифа, указывающие номинал монет (ушу). Реверс гладкий, без иероглифов.

Монеты ушу отливались в Китае в течение 700 лет (со 118 г. до н. э. по 581 г. н. э.), а обращались на 40 лет дольше (до 641 г.). Нумизматам известно сегодня более 60 их разновидностей, сопоставление с которыми дает возможность говорить о принадлежности дарасунских монет к самым последним выпускам этой серии, т. е. к концу VI в. [Воробьев, 1971, с. 14]. Хорошая сохранность монет указывает на то, что они недолго находились в употреблении и, следовательно, могли попасть к забайкальским племенам сразу же после выпуска их. Именно в это время тюркские племена проводили активную политику в отношении соседнего Китая, вмешивались в его внутренние дела и получали отсюда огромную добычу [Гумилев, 1967, с. 108—119, 155—147]. Важно для нас, однако, то обстоятельство, что найденные монеты подтверждают нашу датировку скорченных погребений человека: в рамках VII в. н. э.

Сложнее обстоит дело с датировкой погребения 4, которое входит в группу бурхотуйских памятников Восточного Забайкалья. Здесь не найдено предметов, которые позволили бы нам говорить о времени его сооружения достаточно точно. Единственную возможность в этом отношении дают нам только железные наконечники стрел, основные формы которых не встречаются в забайкальских памятниках ранее V в. н. э. [Ковычев, 1981, с. 100—106, табл. 1], и специфической формы железные колчаные крючки, которые встречаются на территории Южной Сибири начиная с III в. н. э. [Сорокин, 1977, рис. 6, 5]. Точные аналогии таким крючкам имеются в материалах памятников древнетюркского времени в Туве [Грач, 1966, рис. 30, 1]. Следовательно, по времени данное погребение должно быть или синхронным остальным дарасунским памятникам или более поздним, что мало вероятно. Скорее всего, в нашем случае мы имеем пример взаимодействия отдельных забайкальских пле-

мен, оставивших указанные выше группы памятников. Последующие исследования таких памятников позволят решить эту проблему более основательно.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И. В. Памятники железного века в бассейне реки Онон.— Изв. СО АН СССР, 1973, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3.
- Воробьев М. В. К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» («ушунянь»).— Эпиграфика Востока, Л., 1971, вып. 20.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.— Труды ТКАЭЭ, М.—Л., 1966, вып. II.
- Грязнов М. П. Таштыгская культура.— В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, М., 1979, вып. Е1-2.
- Ковычев Е. В. Лук и стрелы восточнозабайкальских племен I тысячелетия н. э.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Окладников А. П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. М.—Л., 1960а. (МИА, № 86).
- Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье.— Труды БКНИИ. Улан-Удэ, 1960б, серия востоковед., вып. 3.
- Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время.— В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
- Сорокин С. С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка.— Археологический сборник Госэсрмитажа, Л., 1977, вып. 18.

И. И. Кириллов

УНДУГУНСКАЯ КУЛЬТУРА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Исследование археологических памятников железного века, проводившееся в последнее время в Восточном Забайкалье археологической экспедицией Читинского пединститута, дало новые интересные материалы по средневековой истории края. Ранний период средневековья, отражающий процесс этногенеза аборигенных племен, представлен памятниками бурхотуйской культуры, открытой А. П. Окладниковым [1960]. Дальнейшее изучение ее, позволившее более рельефно представить картину материальной и духовной культуры местного населе-

ния, проследить этнокультурные связи племен Забайкалья, проводилось нашей экспедицией.

Заключительный этап формирования племен Восточного Забайкалья отражен в памятниках выделенной нами ундугунской культуры, названной по месту открытия первого могильника у оз. Ундугун (система Беклемишевских озер) в 1974 г. Позднее могильники этой культуры были открыты в северо-западных, центральных и восточных районах Читинской области, т. е. локализовались преимущественно в лесной и лесостепной зонах: в верхнем течении р. Хилок, по Ингоде, Шилке, и по системе Беклемишевских озер выходя к границам Бурятии. Таким образом, границы культуры в принципе совпадают с районами расселения в крае тунгусских племен в XVII—XIX вв. Наиболее крупные могильники, давшие разнообразный и интересный материал, найдены у оз. Ундугун, в местечке Дворцы, у сел Доронинское, Еремино, Александровка, пос. Черновские на Ингоде; в предгорьях Яблонового хребта вдоль р. Читы (у с. Шишкино, Ручейки, Угдан), на р. Шилке (у с. Ломы, в пади Ишахан, по р. Кия).

Внешне погребения Ундугунской культуры выражены каменными выкладками подчетыреугольной, овальной и вытянуто-овальной в плане форм, разреженные в центре. Надмогильные перекрытия их также различаются: кладки в несколько рядов камней мощностью до 50—60 см, оконтуренные по краю более крупными плитами или валунами, кладки с менее мощным, в один—два ряда, перекрытием. Последние встречаются чаще (рис. 1 и 2).

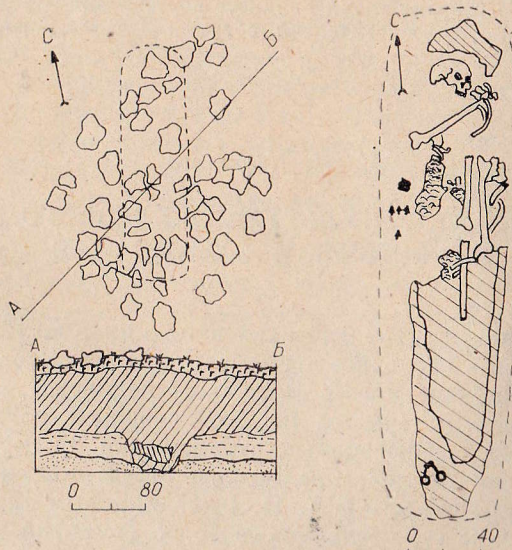

Рис. 1. Погребение 1.

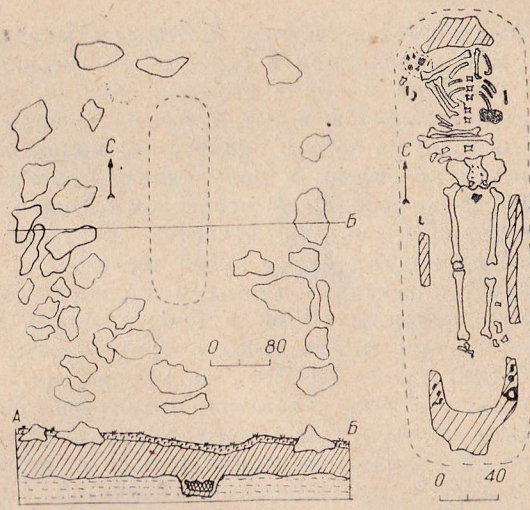

Рис. 2. Погребение 6.

Говоря об особенностях ундугунских погребений, следует отметить их планиграфию. Первым признаком ее является расположение могильников на южных, освещаемых склонах террас, вдоль кромки леса, реже в распадках, ложках или седловинках. Второй признак — непосредственная связь с водой (река или озеро). Очевидно, следует признать, что вода играла важную роль в обряде, олицетворяя собой дорогу, по которой души умерших направлялись в потусторонний мир [Рычков, 1917, с. 23; Окладников, 1955, с. 319—320].

Погребения ундугунского населения совершались в могильных ямах, узких и подпрямоугольных в плане, глубиной от 30—40 до 120 см, в зависимости от грунта и, возможно, времени погребения. Костяки обычно находятся в колодах, гробовищах или прямо на грунте. При этом дно могильных ям иногда выстилалось берестой. Колоды встречаются двух типов: овальной формы с широкими торцами, тонкими стенками, округлыми днищами и колоды в форме лодок. Оформление носовой и кормовой частей последних было различным — от приостренных до фигурных. Средняя часть их выжигалась, а затем дополнительно подправлялась. Иногда борта их наращивались с помощью металлических планок. Они сравнительно мелки и коротки — от 200 до 240 см при ширине 30—40 см. Сверху колоды иногда перекрывались крышкой, скрепленной с колодой железными скобами.

Обычно погребения ундугунского типа одиночные, с преобладанием северной ориентировки. «Лодки» в любом случае ориентированы носовой частью на север. Не менее устойчивым признаком является наличие небольших очистительных очагов

ков и грубчатых костей животных, которые втыкались с боку погребенного или находились в берестяных туесках.

Не менее устойчив и обряд трупоположения, хотя и известно несколько вариантов: в вытянутом положении на спине, с руками вдоль тела; на боку в скорченном положении, с выдвинутыми вперед коленями; в полусидячем положении. Имеются и вторичные погребения. В последнем случае кости находились в беспорядке, черепа зачастую отсутствовали, на некоторых костях видны следы зубов зверей.

Погребальный инвентарь однотипен и сводится в основном к следующему: предметы сбруи в бронзе, кости и железе; предметы вооружения и охотничьего снаряжения, предметы металлообработки, предметы быта и украшения. При этом следует отметить, что в погребальном инвентаре сравнительно четко выступают черты половозрастных различий, позволяющие «...еще до антропологического изучения... уверенно сказать, кто погребен — мужчина или женщина» [Дьяконова, 1975, с. 130].

В отличие от степных районов Забайкалья, где бытовали луки с костяными и роговыми накладками, в могильниках ундугунской культуры, очевидно, существовал лук «тунгусского типа»: «длинной в одну ручную сажень... из двух хорошо просушенных... пластин ели и березы или лиственницы и кедр. В середину лука вклеивали квадратный или овальный березовый клин..., снаружи обклеивали луки берестой, а концы с надставкой из березы частично обматывали сухожилиями.. Тетиву изготавливали из волокон конопли, полосок кожи... Луки имели слегка двояковыгнутую форму» [Василевич, 1969, с. 62—63]. Эти луки относятся к типу сложносоставных.

Сложносоставной лук требовал оснащения сравнительно крупными стрелами. Не случайно в могильниках наконечники являются одной из самых многочисленных групп. Они подразделяются на железные и костяные.

Железные наконечники делятся нами на два класса: плоские срезни, трехлопастные.

Плоские срезни представлены следующими формами (типами): в виде расширяющейся лопаточки с округлым лезвием (рис. 3); расширяющейся лопаточки с приостренным лезвием; пламявидные, кунжутolistные, двурогие, ланцетовидные, пятиугольные. Все эти виды предназначались как для боевых действий, так для охоты и рыбной ловли [Древнемонгольские..., 1965, с. 195; Плато Карпини, 1957, с. 31; Медведев, 1966, с. 54].

Трехлопастные наконечники — листовидные, с узкими дугообразными лопастями, кунжутolistные. В Забайкалье они восходят к памятникам бронзового века, где представлены в плиточных могилах. В памятниках Бурхотуйской культуры они распространены повсеместно [Ковычев, 1976]. Отличи-

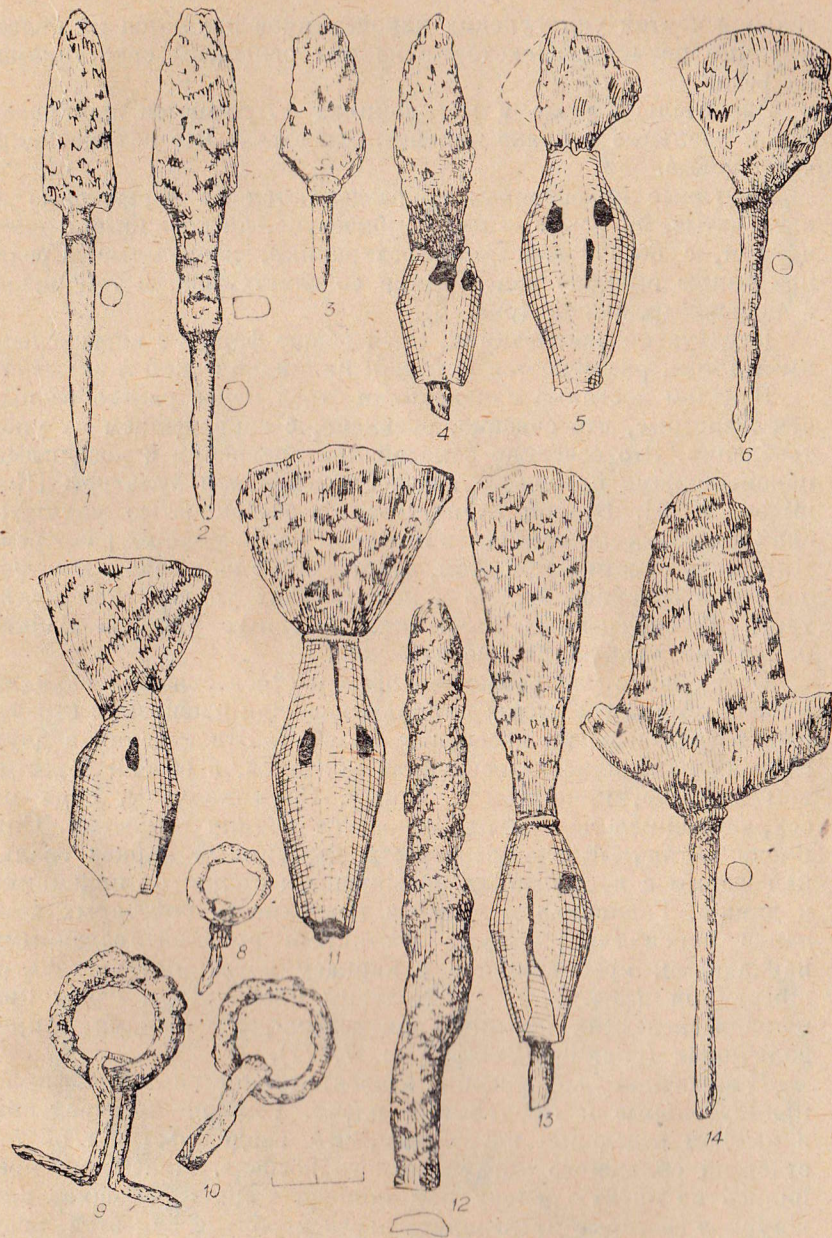

Рис. 3. Изделия из железа.

тельной чертой ундугунских наконечников являются их более крупные размеры. Некоторые из них оснащены свистунками из рога.

Значительно реже в могильниках встречаются ромбические и овальные в плане наконечники стрел. Все наконечники черешковые.

Костяные наконечники подразделяются на черешковые и втульчатые, по форме — на ромбические, листовидные, с плечиками, с боевой головкой, трехгранные, игольчатые. Среди них также имеются наконечники со свистункой, в том числе с цельновырезанной (рис. 4).

Втульчатые наконечники, имея общие формы с перечисленными выше, различаются втулкой: цилиндрической и скрытой.

В целом костяные наконечники стрел менее разнообразны, чем железные, что связано, очевидно, с сокращением их употребления. Это особенно заметно при сравнении с костяными наконечниками предшествующей бурхотуйской культуры [Ковычев, 1976]. Второй отличительной особенностью ундугунских костяных наконечников является увеличение их размеров. Интересно отметить при этом, что костяные наконечники встречаются в основном только в могильниках ундугунской культуры. В синхронных памятниках степных районов Забайкалья они практически не известны.

Очевидно, с употреблением лука и стрел связаны находки в некоторых погребениях напильников «для изошрения стрел». Они изготовлены из массивных пластин. Эти изделия в двух случаях находились в основании колчанов, в особом берестяном кармане, пришитом к днищу. Сами колчаны, судя по сохранившимся частям их, относятся к типу открытых. Они имели обтянутый слоями бересты деревянный каркас овальной формы с постепенным расширением стенок от приемника к днищу. Горловина и лицевая поверхность некоторых колчанов укреплялись узкими костяными орнаментированными накладками, крепившимися к каркасу короткими костяными шпешками (рис. 5, 7—9). Колчаны крепились к поясу при помощи железных крючков: щитковыми, с кольцами и проволочными (рис. 6, 12—13; рис. 7, 11).

К защитному вооружению относятся панцирные пластинки, прямоугольные и округлые в плане. Они немногочисленны в каждом отдельном погребении, что свидетельствует об отсутствии сплошного металлического доспеха. Пластинки крепились на мягкую основу при помощи тонких ремешков или шнурков (которые продевались через пробитые для этой цели отверстия) и вытягивались узким пояском на грудной клетке [Шлано Карпини, 1957, с. 28].

Предметы конского снаряжения. К ним относятся прежде всего удила двусоставного типа с кольчатыми псалиями. Они изготавливались из двух железных стержней с одинаковыми

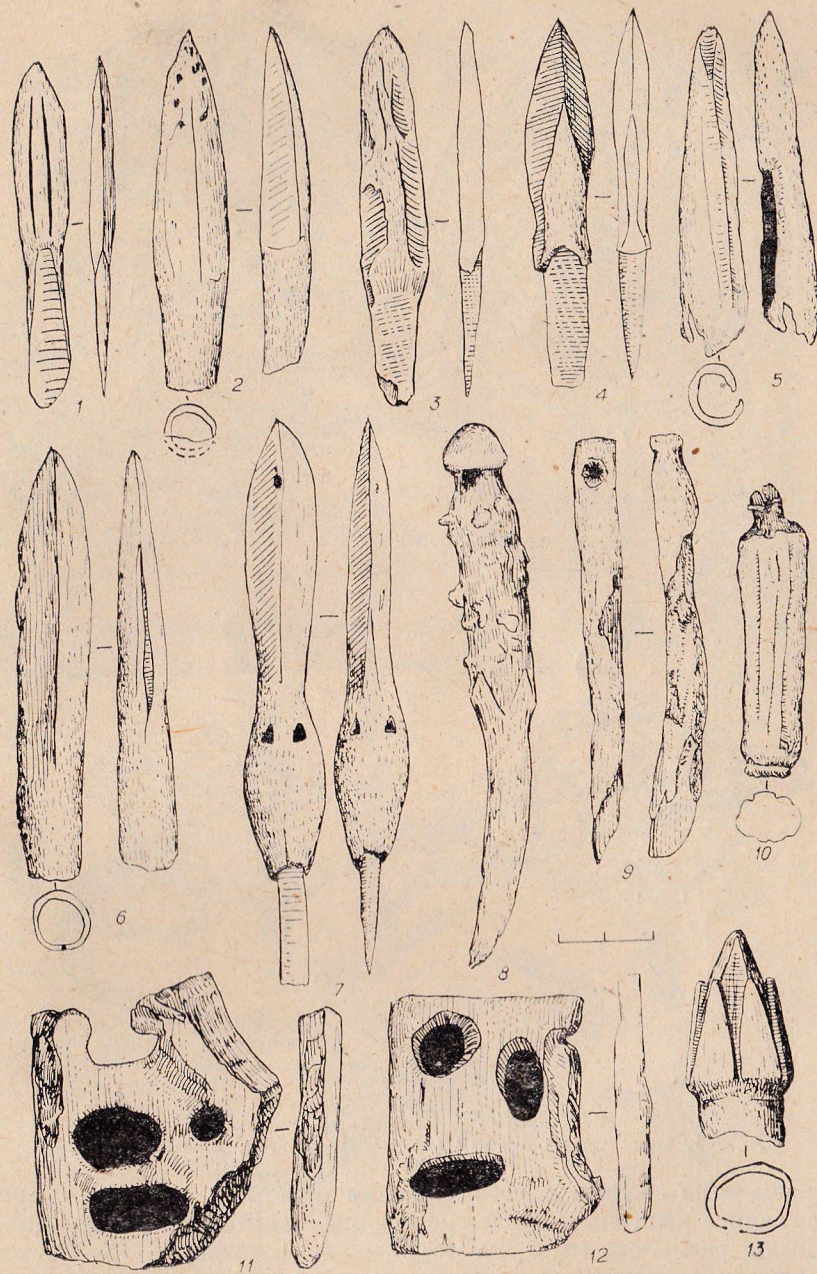

Рис. 4. Изделия из кости.

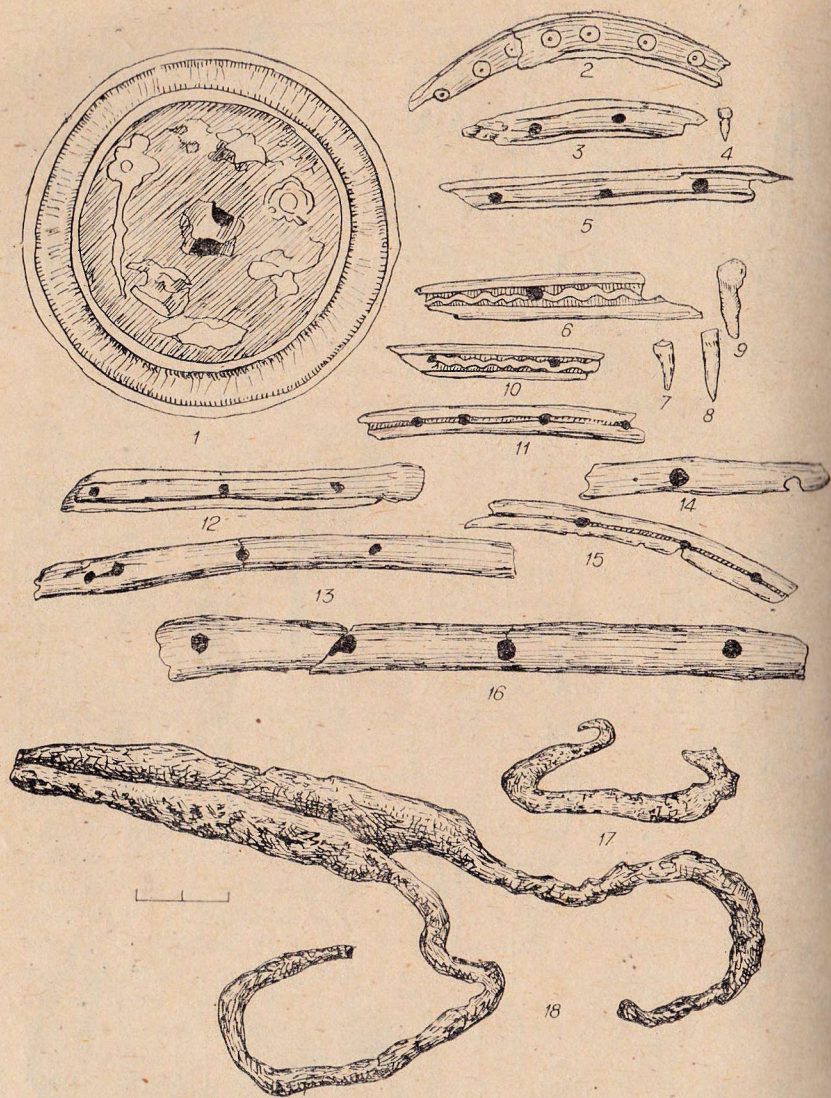

Рис. 5. Изделия из бронзы (1), кости (2—16), железа (17—18).

размерами звеньев и несомкнутыми кольцами, в которые продевались железные кольчатые пса́лии (рис. 6 и 7). Такие удила были распространены на территории Евразии с IX—X вв. и в последующие века вытесняют все прежние формы [Гаврилова, 1965, с. 84]. В Восточном Забайкалье они впервые появляются на заключительном этапе существования бурхотуйской культуры.

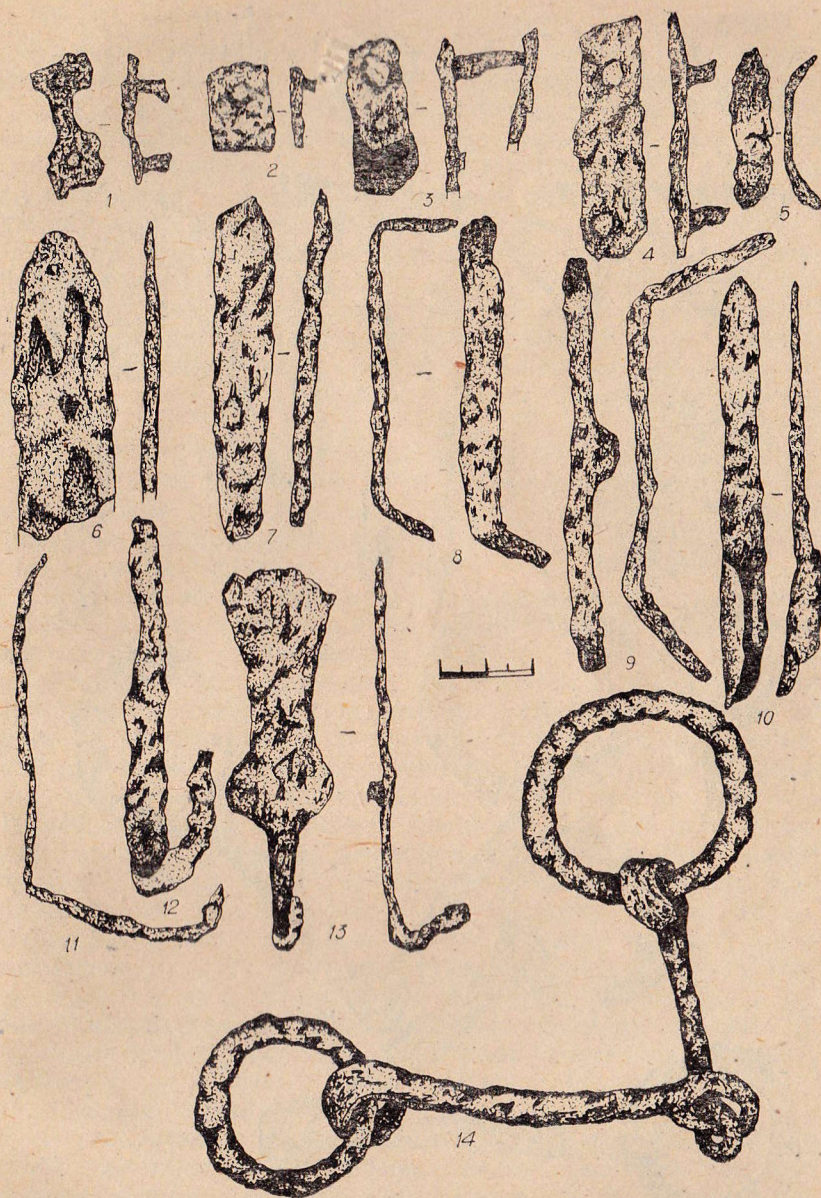

Рис. 6. Изделия из железа.

Стремена в погребениях встречаются в основном трех типов: арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и прямоугольной же петлей в дужке, с прямыми или слегка выгнутыми подножками; арочной же формы, но с невысоким прямо-

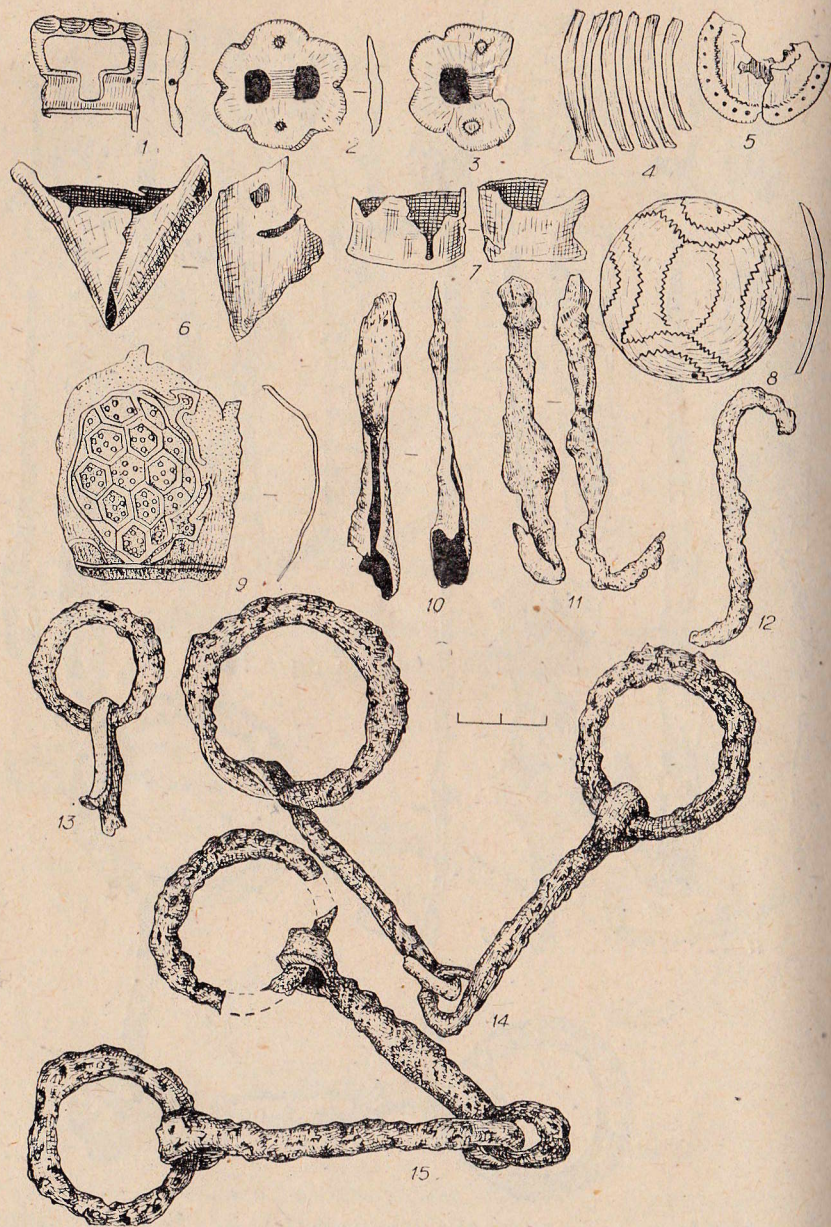

Рис. 7. Изделия из бронзы и железа.

угольным выступом и дугообразной бородкой в основании дужки, с подножкой выгнутой формы; подтреугольные стремена с прямой подножкой и прямоугольной петлей. Все эти виды стремян довольно широко представлены в памятниках Забайкалья, Сибири, Алтая, Тувы и Монголии в XII—XIV вв. [Кызласов, 1969, с. 163; Кирпичников, 1973, с. 12; Седякина, 1965, с. 201; Хамзина, 1970, с. 114].

Подпружные пряжки в могильниках представлены изделиями, выполненными в бронзе, кости и железе. Все они в том числе и художественные, различны по размерам и форме (рис. 7 и 8). Большинство из них имеются аналогии в памятниках Сибири и сопредельных районов с тюркского времени. Но основная часть их укладывается в хронологические рамки X—XIV вв.

К конской сбруе относятся седельные кольца, выполненные из железа и имеющие округлую форму с продетым через кольцо стержневым пробоем. К украшениям сбруи относятся бляхи различных размеров и форм, также выполненные в бронзе, железе и кости (рис. 4, 7).

Предметы быта и украшения. Наиболее распространенными изделиями являются ножи двух типов: ножи с черешком, продолжающим линию обушка, и ножи с черешком, расположенным ниже обушка, и отдельным уступом. В целом эти ножи однотипны — узкие однолезвийные. Встречаются острия из рога косули с округлым полированным концом и более широкой рукоятью, сохраняющей естественную поверхность. Изделия изогнуты и имеют отверстие в рукояти для ремешка. Подобные острия, очевидно, использовались для развязывания узлов. В единичных экземплярах в погребениях найдены железные шилья четырехгранные в сечении и кресала преимущественно калачевидной формы. Известно несколько экземпляров однотипных ножниц. Это крупные изделия, изготовленные из двух равных половинок, соединившихся толстым шпеньком. Для крепления составных частей колод, гробовищ использовались различного рода скобы, гвозди (рис. 6).

Пояса представляют собой наборные изделия из костяных, бронзовых и железных блях, накладок, обоймочек.

Костяные бляхи встречаются четырех типов:

1) квадратные с овальной петлей-дужкой и таким же отверстием для крепления. Основным видом орнамента является розетка из нескольких вписанных квадратов. Внутреннее поле одного из них имеет крестообразный узор (рис. 8, 4). В этой группе выделяется бляха фигурной формы из погребения 2 могильника Ундугун, украшенная по углам циркулярными кружочками, а в центре сложным узором — символом вечности «олзий» (рис. 8, 11);

2) квадратные бляшки-обоймочки без петель, орнаментированные вписанными квадратами (рис. 8, 1);

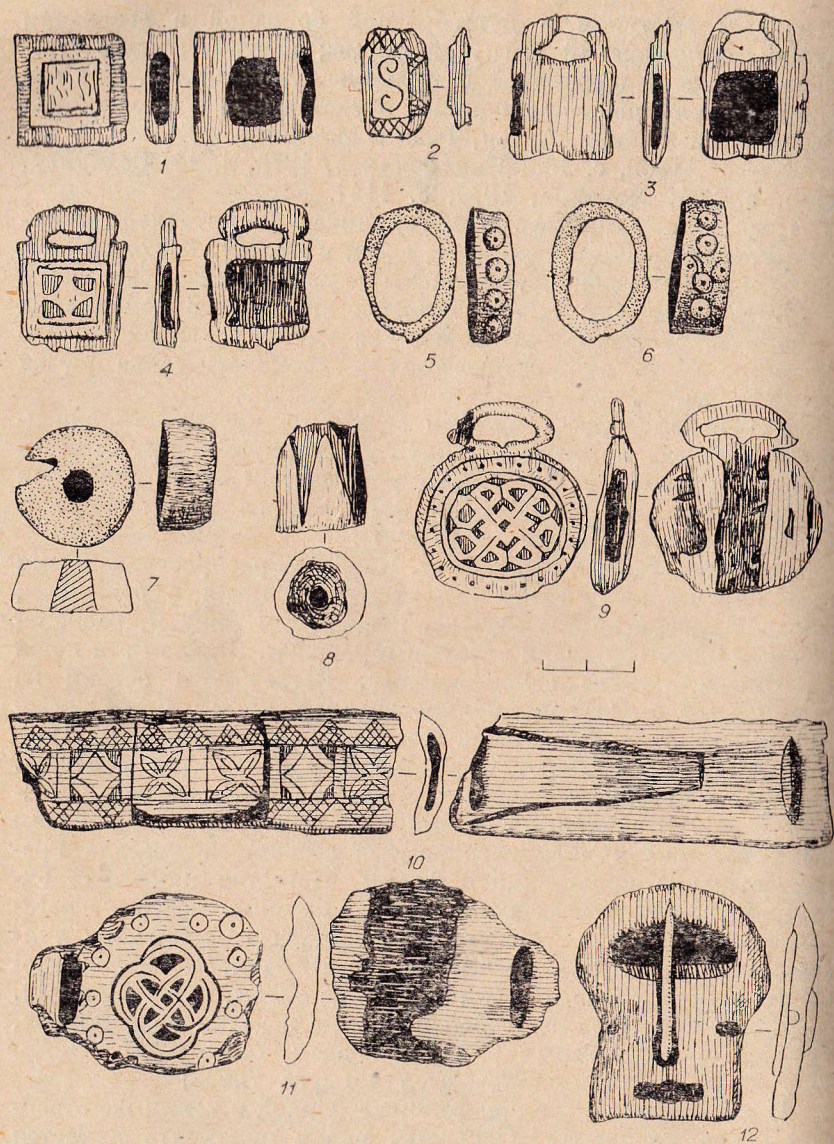

Рис. 8. Изделия из кости.

3) круглые с овальной петлей и продольным сквозным вырезом для крепления. Центральная часть ее орнаментирована сложным узором (рис. 8, 9);

4) прямоугольные с овальными ушками и подвижным язычком-замком. Они орнаментированы квадратными розетками с четырехлистниками в центре (рис. 8, 10).

Железные и бронзовые бляхи более однообразны: квадратные или прямоугольные в плане (рис. 7).

Не менее однотипны пряжки: овально- и прямоугольно-рамчатые. Внешний край последних иногда имеет фестонное обрамление. Аналогичные пряжки довольно широко представлены в памятниках X—XV вв. в сопредельных с Забайкальем районах.

Бронзовое зеркало найдено одно. Оно имеет форму плоского диска с петелькой с обратной стороны. Внутреннее поле его орнаментировано цветком водяного каштана и мальвы, остальные слабо различимые фигурки сышен—божества четырех стран света. Введение в декор этих цветков связано со второй половиной танского времени и играло значительную роль в даосизме (рис. 5, 1) [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 22].

Бусы представлены изделиями из стекла, халцедона и сердолика: шаровидные, цилиндрические, граненые, эллипсоидные. Число бус в погребениях невелико. В качестве пронизок использовались цилиндрические полые трубочки из кости и меди.

Имеется в коллекции и несколько крупных полушарных бляшек с петелькой с противоположной стороны (рис. 7, 8).

В одном из погребений могильника у оз. Ундугун найдены изделия особого рода, связанные с местной металлообработкой. Это прежде всего два льячика для розлива металла. Первый из листовой меди в форме усеченного конического свертка-воронки. Для удобства литья у него оформлены два параллельных выпуклых валика. Второй изготовлен в виде прямоугольного ковшичка-коробочки также из листовой меди. Один из углов его слегка приплюснут и образует носик для слива металла. Оба изделия небольшие по размерам и явно использовались для мелкого литья (рис. 7, 6, 7). Интересно отметить, что в данном погребении был обнаружен более разнообразный инструментарий кузнеца-литейщика: ножницы, напильник, различного рода крючки, Г-образное кресало.

Особенностью ундугунских погребений является отсутствие в них керамических изделий. Посуда была представлена в основном остатками берестяных туесков.

В целом материал ундугунской культуры позволяет в настоящее время решить ряд принципиальных вопросов средневековой истории местного населения, в том числе этногенетического характера. Сравнение материала ундугунских могильников с могильниками бурхотуйской культуры наводит на мысль, что последняя явилась общей исходной базой для складывания более поздних культур Забайкалья: раннемонгольской, памятники которой распространены в степных районах Забайкалья, и ундугунской, локализующейся преимущественно в лесных районах. Понятно, что между этими культурами имеются определенные черты сходства как в обряде погребения, так и в наборе погребального инвентаря. При

этом следует отметить определенное влияние первой культуры на вторую.

Складывание ундугунской культуры, очевидно, происходило на рубеже I—II тыс. н. э. Во всяком случае, этим временем датируются памятники, инвентарь которых обладает рядом переходных черт в обряде и инвентаре. Суммарно эти черты сводятся к следующим:

1) сохранение достаточно мощных каменных выкладок, типичных для могильников бурхотуйской культуры, в том числе и забутовки могильной ямы камнем. По краям такие кладки имели опорные камни, поставленные на ребро;

2) скорченное труположение, также типичное для бурхотуйских погребений ингодинского варианта;

3) сохранение отдельных типов и форм наконечников стрел, в первую очередь костяных. В ундугунских памятниках, как отмечалось выше, они становятся более крупными, но форма сохраняется близкой к бурхотуйским. Это же можно сказать и о некоторых типах железных наконечников (пламя видных, кунжутolistных, ланцетовидных);

4) сохранение аналогичных черт в конской сбруе с определенным тюркским подтекстом, присущим как бурхотуйским, так и раннеундугунским вещам.

Вместе с тем сложившаяся к XII—XIII вв. новая культура обладала рядом характерных черт, присущих только для нее. Этими чертами она прежде всего отличается от предшествующей культуры.

1. Изменился характер курганных выкладок — они стали более разреженными (жиденькими). Исчез обычай забутовывать могильную яму камнем.

2. Изменился обряд труположения — повсеместно была распространена северная, северо-восточная ориентировка. Появились колоды, гробовища, в том числе в виде лодок, не типичные для бурхотуйцев. Наконец, стал использоваться обряд вторичного захоронения.

3. Исчез полностью обычай ставить в изголовье погребенного небольшие глиняные сосуды, что прежде являлось обязательным атрибутом бурхотуйских погребений.

В этот период погребения ундугунской культуры гораздо ближе находятся к погребениям раннемонгольского типа. Но при этом следует иметь в виду, что и между ними имеются серьезные различия.

1. Наличие вторичных погребений, как и использование лодок-долбленок, черты, присущие в Забайкалье только памятникам ундугунской культуры.

2. Широкое использование кости и рога для различного рода изделий и орудий, включая разнообразные наконечники стрел. В степных районах для памятников монгольского типа они не характерны.

3. Сопоставление орнаментальных мотивов на различных изделиях из монгольских и ундугунских погребений не только позволяет сделать вывод об их различиях по ряду важных показателей, но и убеждает в близости ундугунской орнаментации к орнаментальным мотивам эвенков — развитый геометрический узор в виде квадратов, прямоугольников, циркулярный орнамент, сочетание того и другого в одинаковой степени типичны для эвенков и ундугунцев.

В этом смысле весомым аргументом является и обычай вторичного обряда погребения, также одинаково типичный для эвенков и ундугунцев. У тунгусоязычных народов Сибири и Дальнего Востока этот обычай был распространен вплоть до XX в. [Деревянко, 1975, с. 174; Медведев, 1977, с. 115—118; Василевич, 1969, с. 242]. При этом обряде, отмечал Л. Н. Штернберг, «...строят либо помосты, на которые укладывают трупы, либо их помещают на деревьях в лодках...» [1936, с. 337]. Окончательное «отправление души умерших в мир мертвых» происходит примерно через год [Василевич, 1969, с. 242].

Эти факты позволяют сопоставить памятники ундугунской культуры с памятниками тунгусоязычных племен. Наличие в могильниках некоторых монгольских черт позволяет поставить на повестку дня еще один вопрос. Очевидно, под воздействием именно монгольских племен у тунгусоязычного населения в период существования ундугунской культуры происходит переход к скотоводству. Об этом можно судить как по наличию в погребениях предметов конской сбруи, так и по обычаю сопровождения погребенных жертвенными костями барана, реже лошади. Именно предметы конского снаряжения позволяют уточнить верхнюю границу существования ундугунской культуры, проведя ее по XIV—XV вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Василевич Г. М. Эвенки (историко-этнографический очерк). Л., 1969.
Гаврилова А. А. Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.
Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
Древнемонгольские города. М., 1965.
Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. М.—Л., 1975.
Киришчинов А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.—САИ, 1973, вып. Е1—36.
Ковычев Е. В. Восточное Забайкалье в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977.
Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
Лубо-Лесничено Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
Медведев А. Ф. Татаро-Монгольские наконечники стрел в Восточной Европе.—СА, 1966, № 2.
Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей (конец X—XI вв.). Новосибирск, 1977.

- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.—Л. 1955 (МИА, № 43).
- Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье.— Труды БКНИИ. Улан-Удэ, 1960, серия востоковед., вып. 3.
- Плано Карпини. История монголов.— В кн.: Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Рычков К. Енисейские тунгусы.— В кн.: Землеведение. М., 1917.
- Седягина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин.— В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ, 1965.
- Хамзина Е. Н. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970.
- Штернберг Л. Н. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Ю. С. Худяков

КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЫ В ФОНДАХ ИРКУТСКОГО МУЗЕЯ

Средневековые памятники Тункинской долины, соединяющей бассейны двух крупнейших озер Восточной Сибири и Монголии, Байкала и Хубсугула, издавна привлекали внимание исследователей. В 1868 г. обследование среднего течения р. Иркута проводил И. С. Поляков [Поляков, 1869, с. 109—197]. В 1885, 1888—1889 гг. изучением и сбором подъемного материала в «Тункинских песках» занимался Н. И. Витковский (ИОМК, кол. 5173, 1058, 1168). Отдельные предметы, найденные в окрестностях с. Тунки М. Войничем, отбывавшим ссылку в этих местах, были переданы в Иркутский музей в 1888 г. (кол. 1011). В 1893 и 1904 гг. в фонды музея поступили находки из Тунки от А. Кириллова (кол. 1623, 6013). В те же годы обследование «тункинских песков» проводил М. П. Овчинников (кол. 7667). В 1897 г. находки из Тунки были переданы в фонды Иркутского музея И. Чистохиним (кол. 4613).

Г. Н. Потанин, размышляя о расселении монгольских племен в Центральной Азии, высказал предположение, что «бурятское племя распространялось вдоль степных долин Селенги и Ангары, оттесняя тюркское племя (сойтов и карагасов) на юг в Саяны; вероятно, и тункинская долина была занята бурятским нашествием с севера от Ангары, а не с юга из Дарханской земли» [Потанин, 1883, с. 655].

В 20-е годы исследование средневековых памятников Тункинской долины было продолжено О. И. Твистихиним (ИОМК, кол. 7507) и Б. Э. Петри [Петри, 1928]. Материалы из раскопок Б. Э. Петри были впервые введены в научный оборот А. П. Окладниковым в его первой монографической работе,

посвященной истории бурятского народа [Окладников, 1937, с. 283—285]. А. П. Окладников охарактеризовал конструкции надмогильных и устройство внутримогильных сооружений, богатый сопроводительный инвентарь тункинских погребений и справедливо отнес их к представителям монгольской знати «эпохи монгольской империи» [Окладников, 1976, с. 51]. Позднее эти находки упоминались в работе Г. Н. Румянцева, считавшего, что комплекс погребений из Тунки «дает представление об образе жизни верхушки древнебурятского нойонства» [Румянцев, 1964, с. 510]. Краткие сведения о тункинских погребениях, раскопанных Б. Э. Петри, приведены в книге Е. А. Хамзиной [Хамзина, 1970, с. 7].

В 50—60-е годы исследованием памятников Тункинской долины занимались А. П. Окладников и П. П. Хороших.

В 1964 г. одно «древнетюркское погребение» в местности «Нюрхайские пески» в 8 км восточнее с. Тунки было раскопано П. П. Хороших (ИОМК, кол. В. С. 353). Местные тункинские краеведы в 1962 г. создали музей на общественных началах, в который поступили отдельные находки эпохи средневековья.

В результате усилий нескольких поколений исследователей в фондах Иркутского музея осело значительное количество находок из Тункинской долины. Большинство из них, за исключением материалов из раскопок Б. Э. Петри, не вводилось в научный оборот. Между тем анализ этих предметов представляет определенный интерес для расширения источниковедческой базы по средневековой эпохе и истории изучения данного региона, поскольку их поступление в музейные коллекции связано с именами видных исследователей-сибиреведов: Н. Н. Витковского, М. П. Овчинникова, Б. Э. Петри, А. П. Окладникова, П. П. Хороших.

В результате просмотра коллекций Иркутского музея нам удалось обнаружить 63 предмета из Тункинской долины (сборы Н. И. Витковского, М. Войничя, А. Кириллова, М. П. Овчинникова, О. И. Твистихина и И. Чистохина, раскопки П. П. Хороших). Большинство из них представляют собой разнотипные железные наконечники стрел. Все наконечники относятся к одному классу — железные, к одному отделу — черешковые (см. наш опыт классификации наконечников [Худяков, 1975]).

По сечению пера в коллекции наконечников стрел из Тункинской долины можно выделить три группы.

Первая группа — **трехлопастные**, включает 5 типов.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные. Насчитывают 6 экз. Представлены в коллекциях — 353, 1623, 6013, 7667. Длина пера 6 см, ширина — 2,5 см; длина черешка 4 см. Наконечники с остроугольным острием, широкими лопастями и прямыми плечиками. Лопастей отдельных экземпляров снабжены округлыми и фигурными отверстиями (рис. 1, 4, 6—8, 12, 14). Подобные

По следам древних культур Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1983.

В сборнике публикуются новые материалы по исследуемой территории, относящиеся к древней и средневековой истории. Представлены также данные из Предбайкалья, отражающие культурные связи населения по обе стороны Байкала. Подведены итоги по вопросам историографии и современного состояния археологии Забайкалья. Книга рассчитана на археологов.

П. Б. Коновалов, И. И. Кириллов

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Историю археологических исследований Забайкалья достаточно подробно представляют историографические разделы в монографиях и статьи, посвященные вопросам археологии западной и восточной частей исследуемого региона.

В настоящей работе авторы ставят целью развить эту тему в едином контексте археологии всего Забайкалья — Западного и Восточного — и прежде всего в плане рассмотрения научных проблем, развития идей и взглядов, не претендуя при этом на исчерпывающий анализ и полный охват материала.

Археологические исследования в Забайкалье прошли путь от редких эпизодических посещений ученых и научных экспедиций XVII—XVIII вв. до систематических, планомерных изысканий сегодняшнего дня. Первыми путешественниками и участниками сибирских экспедиций были собраны интересные сведения по археологии края. Вслед за ними почин по сбору древностей был подхвачен политическими ссыльными и местными любителями старины. Этот период, самый длительный в истории науки, охватывал время с XVII в. до установления Советской власти в Забайкалье. Характеризовался он в основном накоплением материала и первыми, подчас наивными попытками его интерпретации, типолого-хронологической классификации и исторического осмысления [Гришин, 1981, с. 33]. Однако зачастую деятельность энтузиастов науки носила случайный характер. Царское правительство не проявляло интереса к изучению истории «края каторги и ссылки», не оказывало поддержки его исследователям.

Для конца XIX — начала XX в. честь целенаправленных археологических изысканий в Юго-Западном Забайкалье принадлежит Кяхтинскому краеведческому музею (основан в 1891 г.) и Кяхтинскому отделению Русского Географического общества (1894—1914 гг.). Усилиями таких деятелей науки и краеведения, как Ю. Д. Талько-Грынцевич, А. П. Мостиц, П. С. Михно, были собраны первые археологические коллекции, выявлены стоянки каменного века и могильники эпохи бронзы и железа по рекам Селенга, Джида, Чикой и Хилок. Результаты этих изысканий публиковались в научных изданиях Гео-

0507000000—839
II 042(02)—83 59—83—III

©Издательство «Наука», 1983 г.